

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

Велика была радость во всей семьѣ, когда я пріѣхалъ въ Москву! Я засталъ мать мою, только-что вернувшуюся послѣ второго ея путешествія за границу, къ Карлсбадскимъ водамъ, весьма бодрую и помолодѣвшую. Отраднo было мнѣ свидѣться съ ней послѣ этой первой продолжительной разлуки. Она такъ подробно и съ такимъ нѣжнымъ участіемъ спрашивала меня обо всемъ, и такъ радовалась моему возмужалому виду. Я нашелъ сестру Елену еще болѣе похорошѣвшую, а дорогого моего брата Бориса Васильевича, сдѣлавшагося правою рукою отца, болѣе прежняго поглощеннымъ въ массѣ добровольно принятыхъ на себя хозяйственныхъ и другихъ дѣлъ. Отецъ, кромѣ подмосковнаго имѣнія Покровскаго, купленнаго имъ у Анатолія Демидова и доставшагося впоследствии мнѣ по раздѣлу, взялъ на себя, какъ старшій сынъ, выплатить своимъ тремъ братьямъ ихъ части изъ большаго родового имѣнія Лотошина, по добровольному съ ними соглашенію, чтобы сохранить это старинное имѣніе въ нашемъ родѣ недѣлимымъ и неотчуждаемымъ.

По этому поводу я долженъ сказать, что уже тогда, т.-е. 60 лѣтъ тому назадъ, хотя и не существовало такой неотложной государственной необходимости, какъ это оказалось въ настоящее время, останавливать дробленіе дворянскихъ имѣній и переходъ ихъ въ другія руки, чувствовалась потребность въ удобопримѣнимомъ и доступномъ законѣ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, для учрежденія которыхъ не требовалось бы всякій разъ спрашивать высочайшихъ повелѣній, тратиться на ходатайство во всевозможныхъ инстанціяхъ и терять напрасно время, чтобы часто получать отказъ.

Я помню, что, видя моего отца и брата въ такихъ хлопотахъ, я, не смотря на мои молодые годы, подумалъ о томъ: къ какимъ именно намъ, въ свою очередь, придется прибѣгнуть средствамъ, чтобы мой

---

*) См. 8-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 477.

старшій братъ Борисъ при раздѣлѣ получилъ наше родовое село Лотошино недѣлимымъ и неотчуждаемымъ? Считаю это дѣломъ первостепенной важности, я хорошо помню, что для достиженія этой цѣли я чувствовалъ себя готовымъ на всякія жертвы, даже на то, чтобы отказаться отъ всякаго наслѣдства въ пользу старшаго брата, если бы это понадобилось.

Поучительно для лицъ, интересующихся вопросомъ о правѣ заповѣдности имѣній, въ которомъ такъ давно нуждается наше дворянство, прослѣдить въ нашей семейной хроникѣ исторію села Лотошина.

Послѣ того, какъ отецъ съ большимъ трудомъ спасъ Лотошино отъ дробленія и вѣроятной его продажи по частямъ, спустя 20 лѣтъ, онъ оставилъ его по раздѣльному акту брату Борису, какъ старшему и болѣе всѣхъ насъ свѣдующему въ сельскомъ хозяйствѣ. Братъ мой, получивъ это имѣніе, бодро принялся за дѣло усовершенствованія вѣкового хозяйства, улучшеніемъ котораго занималось до того уже нѣсколько поколѣній. Освобожденіе крестьянъ, со всѣми неурядицами и всѣми непреодолимыми препятствіями, послѣдовавшими повсюду послѣ введенія дурно соображенныхъ способовъ осуществленія великой реформы, вскорѣ застало моего брата среди разгара его сельскохозяйственной дѣятельности и его усовершенствованій. Спустя еще нѣсколько времени, когда начался сельскохозяйственный кризисъ, положеніе его дѣлъ еще ухудшилось. Словомъ, въ продолженіе 40 лѣтъ братъ мой, ведя со своимъ семействомъ самую скромную жизнь, боролся со всѣми препятствіями и умеръ настоящимъ труженикомъ, оставивъ дѣтямъ село Лотошино неприкосновеннымъ, недѣлимымъ и неотчужденнымъ.

По смерти его, дѣти его, собравшись въ семейный совѣтъ, порѣшили послѣдовать примѣру предковъ, т.-е. не губить имѣнія, а всецѣло передать его одному изъ братьевъ. Но при свирѣпствовавшемъ тогда сельскохозяйственномъ кризисѣ, этого уже оказывалось недостаточнымъ, чтобы сохранить старинное имѣніе въ нашемъ родѣ. Тогда эти примѣрные братья рѣшились на самоотверженный поступокъ, а именно: всѣ отказались безмездно отъ причитающейся на каждаго изъ нихъ части наслѣдства въ пользу одного, и не старшаго, а второго брата, именно князя Сергѣя Борисовича, нынѣшняго владѣльца села Лотошина.

Подобнымъ порядкомъ изъ прошлаго дворянской семейной жизни опровергается ложное мнѣніе Комиссіи, обсуждавшей ходатайства предъ государемъ 20 дворянскихъ обществъ о правѣ завѣщанія запо-

вѣдныхъ имѣній, мнѣніе, состоящее въ томъ, будто законъ о завѣщаніи заповѣдныхъ имѣній претитъ Русскому народному духу и противорѣчить обычаямъ и семейнымъ нашимъ преданіямъ.

По всей вѣроятности, именно полнѣйшимъ незнакомствомъ съ дворянскими семейными хрониками порождено подобное заблужденіе. Только такое невѣрное пониманіе нашего дворянскаго быта могло заставить Комиссію пренебречь мудрыми указаніями Петра Великаго, который онъ такъ ясно и краснорѣчиво выразилъ въ своемъ введеніи къ закону о заповѣдныхъ имѣніяхъ. вмѣсто того, чтобы проникнуться великою пользою для Россіи предназначаемаго гениемъ Петра закона, Комиссія какъ будто хотѣла превзойти его гений: измыслила и предложила законъ о правѣ завѣщанія какихъ-то недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ для землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, съ правомъ завѣщать ихъ *на срокъ*, становясь тѣмъ въ прямое противорѣчіе со смысломъ и понятіемъ самаго слова «заповѣдность».

Говоря о нашемъ родовомъ имѣніи, по поводу котораго я коснулся вопроса о заповѣдныхъ имѣніяхъ, не могу не вспомнить съ умилениемъ трогательную сцену, происходившую у смертнаго одра покойнаго моего любимаго брата, князя Бориса Васильевича. Когда онъ прощался со своей семьей и каждому изъ дѣтей говорилъ поучительное слово, то, обращаясь къ сыновьямъ, сказалъ имъ: «Я всю жизнь трудился, чтобы оставить вамъ состояніе; но мои труды не увѣщались должнымъ успѣхомъ. На мою долю палъ жребій бороться всю жизнь съ постигшими насъ всѣхъ тяжелыми обстоятельствами. Не смотря на все, я сохранилъ вамъ Лотошино. Не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ. Не ошибся ли я, потративъ на это всю свою жизнь? Это укажетъ будущее; будущее отъ насъ скрыто, оно въ рукахъ Божіихъ!.. Я исполнилъ свой долгъ. Теперь вы исполните свой: трудитесь въ свою очередь, и все, что вы сдѣлаете и порѣшите между собою относительно Лотошина въ полномъ мирѣ и согласіи, то будетъ правильно и хорошо».

Придерживаясь хронологическаго порядка въ моемъ разсказѣ, я долженъ вернуться къ проведенной мною зимѣ 1839 года въ Москвѣ, послѣ моего производства въ офицеры.

Хотя Москва уже въ то время утрачивала часть своего значенія, какъ главнаго общественнаго средоточія оживленной, беззаботной и веселой жизни, потому что Петербургъ начиналъ уже значительно опережать и затмѣвать свою соперницу, но все еще она сохраняла за собою славу разсадника красивыхъ, хорошо воспитанныхъ и даже богатыхъ невѣсть. Онѣ постоянно служили магнитомъ и притягатель-

ной силой для Петербургской молодежи, и въ особенности для гвардейскихъ офицеровъ, наѣзжавшихъ въ Москву. Нѣкоторые изъ нихъ появлялись съ серьезными брачными намѣреніями, а другіе, чтобы просто повеселиться въ этой завѣдомо-гостепріимной столицѣ. Эти послѣдніе веселились отъ души, точно про нихъ были сложены извѣстные стихи:

Пусть пошалають,
На свѣтъ поглядяють,
Повертять дѣвчонкамъ головки!.

Благодаря моему назначенію полковымъ ремонтёромъ, я могъ пробыть всю зиму въ Москвѣ и воспользоваться полной свободой и всѣми удовольствіями, которыя сулили мнѣ мои молодые годы. Москва мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я ее оставилъ. Генераль-губернаторомъ былъ въ ней все тотъ же почтенный, всѣми любимый, престарѣлый герой Отечественной войны, обновитель Москвы послѣ 12-го года, свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ. Къ прискорбію всѣхъ его почитателей, а въ томъ числѣ и моего отца, слухи носились, что по кончинѣ его супруги онъ подъ старость подпалъ вліянію нѣкой г-жи Пѣвцовой, которая во зло употребляла доброту почтеннаго князя, чтобы раздавать мѣста за деньги.

У князя было два сына: князь Владимиръ и князь Борисъ. Они въ то время были въ отпуску и находились въ Москвѣ при больномъ ихъ отцѣ.

Со старшимъ сыномъ свѣтлѣйшаго, съ княземъ Владимиромъ Дмитриевичемъ, я очень сблизился, и дружба наша просуществовала неизмѣнной 55 лѣтъ, т.-е. до его смерти. Это былъ человекъ рѣдкой доброты и честности. Мы сразу сошлись и подружались. Будучи страстнымъ охотникомъ до лошадей, онъ позже создалъ у себя, въ своемъ большомъ Орловскомъ имѣніи тотъ знаменитый конный заводъ, который пріобрѣлъ Всероссійскую извѣстность и кровь котораго до сихъ поръ совершенно заслуженно цѣнится дороже другихъ, такъ какъ начало его происходитъ отъ знаменитаго жеребца «Непобѣдимаго-Молодца 2-го». Его же завода была извѣстная «Зима», проданная за границу за сто тысячъ франковъ. Свою любовь къ лошадямъ онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ. Въ продолженіе болѣе 15 лѣтъ послѣ основанія коннаго завода, онъ всѣмъ желающимъ отказывалъ продавать лошадей за какую бы то ни было цѣну, не смотря на настоячивыя просьбы окружающихъ, и въ особенности его управляющаго, который постоянно жаловался ему на причиняемые имѣнію заводомъ громадныя убытки. Но князь отказывался слѣдовать его совѣту, говоря,

что для него лучше пожертвовать доходомъ съ имѣнія, чѣмъ отдать за ничтожныя деньги своихъ дорогихъ лошадей Богъ знаетъ въ какія руки. Князю случалось часто дарить лошадей симпатичнымъ ему людямъ, въ рукахъ которыхъ онъ зналъ, что лошади будутъ оцѣнены по достоинству и что онѣ будутъ пользоваться хорошимъ уходомъ; но продавать ихъ онъ почему-то считалъ для себя и для своихъ лошадей зазорнымъ.

Къ слову, я отмѣчу довольно оригинальный случай, какъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, неожиданно и нежданно для меня, возникъ мой собственный конный заводъ, который хотя просуществовалъ только около тридцати лѣтъ, но далъ довольно рѣзвыхъ лошадей, въ родѣ извѣстнаго на Московскомъ и Петербургскомъ ипподромахъ «Чикаго» и другихъ, доказавшихъ рѣзвостію превосходство своей породы.

Я неожиданно встрѣтилъ князя Владимира Дмитриевича за границей, на Карлсбадскихъ водахъ. Оба мы, среди массы этой чуждой намъ толпы иностранцевъ, разумѣется, очень обрадовались увидѣться послѣ долгой разлуки. Мы пили воды изъ одного источника и совершали обязательныя на этихъ водахъ прогулки почти всегда вмѣстѣ. Какъ-то разъ, придя къ источнику по обыкновенію очень рано, я неожиданно засталъ тамъ своего обычнаго товарища, уже выпивавшаго второй стаканъ Марксъ-Бруна. Онъ показался мнѣ весьма озабоченнымъ и грустнымъ; когда же я освѣдомился у него о причинѣ такого печальнаго настроенія, то онъ мнѣ сказалъ, что наканунѣ получилъ очень неприятное письмо изъ деревни отъ управляющаго. Я сталъ допытываться у него подробностей; онъ мнѣ признался, что управляющій въ сотый разъ пристаётъ къ нему все съ тѣмъ же, въ высшей степени для него неприятнымъ заявленіемъ, что конный заводъ такъ размножился, что окончательно онъ отказывается его удовлетворить кормами, какъ слѣдуетъ, и поэтому проситъ его уволить, если князь не рѣшится на значительную продажу лошадей, въ особенности кобылицъ. «Что онъ ко мнѣ пристаётъ, этотъ человѣкъ?» прибавилъ князь, развѣ я самъ не знаю, что число головъ въ заводѣ убавить слѣдуетъ; но что же, на ярмарку что ли ихъ посылать, или продать первому встрѣчному? Одна мысль, что онѣ попадутъ Богъ вѣсть въ какія руки мнѣ невыносима. Я ему двадцать разъ это повторялъ, а онъ все свое». Чтобы перемѣнить разговоръ, я сталъ у него освѣдомляться о его управляющемъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что управляющій его рѣдкій человѣкъ по честности, и по опытности, и что по этой-то именно причинѣ онъ такъ встревоженъ столь категорическимъ письмомъ его. Тогда я съ убѣжденіемъ сталъ доказывать ему, что если это такъ, то я, будучи на его мѣстѣ, не колеблясь поступилъ бы согласно тому,

что совѣтуетъ ему управляющій и что указываетъ ему его собственный разсудокъ. Пока онъ на эти слова раскрывалъ мнѣ чувства наибольшаго сердца, у меня блеснула мысль предложить ему купить у него десятокъ кобылъ и завести мнѣ самому маленькій заводъ. «Какъ, сказала онъ, ты въ самомъ дѣлѣ хочешь купить моихъ лошадей?» и лицо его просіяло.—«Тебѣ, мой другъ, другое дѣло: тебѣ я продамъ съ радостью!» Въ два слова тутъ же дѣло было кончено, и лошади прибыли благополучно ко мнѣ въ Москву. Вотъ какимъ неожиданнымъ образомъ я очутился въ числѣ коннозаводчиковъ и даже не изъ послѣднихъ!..

Замѣчательно симпатичный былъ человекъ покойный князь Владимиръ Дмитриевичъ. Онъ прямою своею и честностью привлекалъ къ себѣ друзей и заставлялъ постороннихъ себя уважать, не гордясь ни своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, ни самымъ положеніемъ въ свѣтѣ, ни огромнымъ состояніемъ. Всегда простой, добрый и щедрый, онъ напоминалъ стихи Пушкина:

Онъ свѣтской черни не чуждался,
Онъ страннымъ снѣмъ не предавался,
О немъ твердили дѣлый вѣкъ:
NN прекрасный человекъ!..

Когда я съ нимъ сошелся, онъ былъ поручикомъ Конногвардейскаго полка, гдѣ началъ службу и его отецъ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ государя Николая Павловича. Затѣмъ, въ чинѣ полковника, онъ получилъ кирасирскій Орденскій полкъ, которымъ командовалъ его отецъ во время народной войны и съ которымъ онъ былъ подъ Парижемъ; затѣмъ князь Владимиръ Дмитриевичъ получилъ Конногвардейскій полкъ. Пожалованный генераль-адъютантомъ, онъ былъ потомъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ.

Въ жизни странно какъ-то иногда слагаются обстоятельства. Послѣ довольно долгаго промежутка времени, что мы не видались другъ съ другомъ (князь постоянно жилъ въ Петербургѣ, а я почти безвыѣздно по службѣ жилъ въ Москвѣ), мы неожиданно встрѣтились незадолго до его кончины, при исполненіи нашихъ придворныхъ служебныхъ обязанностей, никогда прежде того не служивши вмѣстѣ, хотя и прожили полвѣка на истинно-товарищеской ногѣ. Это случилось на коронаціи императора Александра III-го. На церемониальномъ въѣздѣ въ Москвѣ мы свидѣлись въ послѣдній разъ верхомъ, сопровождая карету Государыни Маріи Ѳеодоровны: онъ съ правой руки, какъ оберъ-шталмейстеръ, а я съ лѣвой, какъ одинъ изъ старшихъ шталмейстеровъ. Увы, я не зналъ тогда, что я больше не увижу этого ста-

раго друга моей юности!.. Миръ праху твоему добрыйшій изъ людей и одинъ изъ послѣднихъ нашихъ Русскихъ бояръ!..

Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ былъ г-нъ Синявинъ, извѣстный тогда въ служебномъ мѣрѣ своей необыкновенной памятью и знаніемъ законовъ. Онъ былъ огромнаго роста и довольно симпатичной наружности. Какъ замѣчательнаго юриста, его вызвали въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ получилъ очень видное мѣсто, но, къ сожалѣнію, вскорѣ кончилъ трагически, лишивъ себя жизни, какъ говорили, по поводу какихъ-то денежныхъ затрудненій, что немало тогда надѣлало шуму въ Петербургскомъ и Московскомъ обществахъ.

Я, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ, разумѣется, быть къ нему близокъ не могъ, но его супругу, г-жу Синявину, я часто встрѣчалъ у моей тетушки, княжны Софьи Ивановны Мещерской. Этихъ двухъ пріятельницъ соединяла такая дружба, что онѣ не только безпрестанно видались, но и переписывались чуть ли не ежедневно, проживая въ одномъ и томъ же городѣ.

Г-жа Синявина была урожденная Догеръ, Голландка по происхожденію, отличавшаяся поразительной красотой: довольно полная, высокаго роста, съ яркимъ цвѣтомъ лица на свѣжей матовой кожѣ, придающимъ необыкновенный блескъ ея чернымъ глазамъ, окаймленнымъ длинными рѣсницами; волосы цвѣта вороноваго крыла; все вмѣстѣ дѣлало неотразимое впечатлѣніе. Она была такая же изящная, какъ и ея записочки на Французскомъ языкѣ, которыми она такъ любила награждать своихъ знакомыхъ.

Столь распространенная тогда въ нашемъ обществѣ (не только между дамами, но и мужчинами) страсть писать записочки особенно тщательно обработаннымъ слогомъ, съ чисто-Французскимъ остроуміемъ и изяществомъ, существовала еще у насъ, какъ остатокъ подражанія Французскому двору Людовика XVIII-го и Карла X-го. Особенность подобныхъ переписокъ на Французскомъ языкѣ, можно сказать, неподражаема; онѣ составляютъ во Франціи цѣлую литературу, которая была еще въ большой модѣ во Франціи въ высшемъ обществѣ во время министерства Гизо и позже. У насъ существовало даже нѣкотораго рода соревнованіе въ этомъ искусствѣ между нашими дамами, и нечего говорить о томъ, что моя тетушка и г-жа Синявина не уступали изящностью своего стиля знаменитой писательницѣ *m-me de Sévigné*.

Одна изъ дочерей г-жи Синявиной, тоже, какъ и ея мать, замѣчательной красоты, была замужемъ за княземъ Александромъ Илларионовичемъ Васильчиковымъ, нашимъ публицистомъ, земскимъ ораторомъ и моимъ большимъ пріятелемъ, о которомъ я буду говорить позже и въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь упомяну только, что одна изъ дочерей этого князя Васильчикова впоследствии была съ нами въ родствѣ, вышедши замужъ за моего племянника по первой моей женѣ, графа Сергія Александровича Строганова, нынѣшняго владѣльца Строгановскаго маіората.

По пріѣздѣ въ Москву офицеромъ, мой образъ жизни въ домѣ родителей нѣсколько измѣнился, но, не смотря на всякія удовольствія, балы, вечера и моего довольно обширнаго круга знакомства, я оставался вѣренъ патріархальному складу семейной нашей жизни: обѣдалъ и всегда дома и всѣ вечера, когда не былъ куда-нибудь отозванъ, проводилъ въ семействѣ.

Въ это время я еще болѣе сблизился съ моей примѣрной матерью и еще больше могъ оцѣнить качества ея ума и сердца. Она обращалась уже со мною какъ съ равнымъ себѣ, давала мнѣ добрые совѣты относительно чтенія, и нерѣдко проводила съ нами вечера въ чтеніи и бесѣдахъ. Никогда не забуду я этихъ милыхъ вечеровъ. Помнится мнѣ, что въ это самое время родились и окрѣпли во мнѣ тѣ идеалы, которые я сохранилъ всю жизнь и въ которыхъ не разочаровался и до сего времени.

Отецъ мой, постоянно занятый утомительными расчетами и дѣлами, любилъ послѣ того имѣть свою партію, и поэтому вечера проводилъ болѣею частію внѣ дома. Это развлеченіе составляло для него настоящую потребность, которую онъ удовлетворялъ, посѣщая Англійскій клубъ, но пріятнѣе и удобнѣе для него было играть въ карты съ нашей сосѣдкой, почтенной Марьей Аполлоновной Волковой (обызваемой дурными шутницами Марьей Панталоновной), проживавшей въ собственномъ домикѣ рядомъ съ нами.

Эта почтенная дама была извѣстна во всей Москвѣ и всѣми уважаема. Она была когда-то любимой фрейлиной императрицы Марьи Феодоровны, и по ея кончинѣ, оставивъ дворъ, поселилась въ Москвѣ. Повидимому, дружба между моимъ отцомъ и этой умной старушкой такъ была искренна, что Марья Аполлоновна переносила безъ малѣйшаго ропота за картами всѣ гнѣвные вспышки моего отца. Я помню, напримѣръ, какъ разъ отецъ, будучи партнёромъ Марьи Аполлоновны и по ходу игры ожидая, что она выйдетъ съ дамы пикъ, былъ до та-

кой степени пораженъ тѣмъ, что Марья Аполлоновна вышла съ другой карты, что не выдержала своего негодованія. Такъ какъ въ этотъ вечеръ онъ уже нѣсколько разъ громко сердился и бранилъ Марью Аполлоновну за ея разсѣянность и ошибки то на этотъ разъ онъ съ отчаянія положилъ карты на столъ, скрестилъ руки и серьезно, съ упрекомъ, обращаясь къ ней запальчиво и возвышая голосъ, спросилъ: «скажите мнѣ, наконецъ, зачѣмъ вы эту шлюху бережете?!»....

Марья Аполлоновна никогда на него не сердилась, зная до какой степени въ сущности онъ былъ необыкновенно добръ, и что эти вспышки не оставляли никакихъ слѣдовъ въ ихъ дружескихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, вспыльчивость моего отца во время игры была известна въ кругу его партнеровъ, и повторяющіяся часто сцены, подобно вышеупомянутой, оканчивались обыкновенно громкимъ смѣхомъ присутствующихъ.

Со времени моего пріѣзда въ Москву, родители наши, желая старшаго брата моего Бориса и меня приучить къ нѣкоторой самостоятельности, рѣшили помѣстить насъ вмѣстѣ въ весьма удобномъ верхнемъ этажѣ флигеля дома, гдѣ наши знакомые молодые люди могли безъ стѣсненія посѣщать насъ. Каждый изъ насъ имѣлъ щегольской выѣздъ. Въ этомъ случаѣ поистинѣ баловство нашихъ родителей, знавшихъ нашу любовь къ лошадямъ, выразилось въ покупкѣ каждому изъ насъ по превосходному кровному рысаку, выписанному изъ Тамбова, известнаго завода Н. Н. Миллера.

Кромѣ товарищей моего брата по университету, да сверстниковъ и друзей нашей юности, о которыхъ было говорено, и съ которыми я продолжалъ часто видѣться, я приобрѣлъ тогда много новыхъ знакомыхъ, преимущественно съ пріѣзжими изъ Петербурга, въ числѣ которыхъ, между прочими былъ Лермонтовъ.

Замѣчательно, какъ глаза и ихъ выраженіе могутъ изобличать геніальныя способности въ человѣкѣ. Я, напримѣръ, испыталъ на себѣ это вліяніе при слѣдующемъ случаѣ. Войдя въ многолюдную гостиную дома, принимавшаго всегда только одно самое высшее общество, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ среди гостей какого-то небольшого роста пѣхотнаго армейскаго офицера, въ весьма нещегольской армейской формѣ, съ краснымъ воротникомъ безъ всякаго шитья. Мое любопытство не распространилось далѣе этого минутнаго впечатлѣнія: до такой степени я былъ увѣренъ, что этотъ бѣдненькій армейскій офицеръ, понавший, вѣроятно, случайно въ чуждое ему общество, долженъ обязательно быть человѣкомъ весьма мало интереснымъ. Я уже

было совсѣмъ забыть о существованіи этого маленькаго офицера, когда случилось такъ, что онъ подошелъ къ кружку тѣхъ дамъ, съ которыми я разговаривалъ. Тогда я пристально посмотрѣлъ на него и такъ былъ пораженъ яснымъ и умнымъ его взглядомъ, что съ большимъ любопытствомъ спросилъ объ имени незнакомца. Оказалось, что этотъ скромный армейскій офицеръ былъ никто иной, какъ поэтъ Лермонтовъ.

Происшедшая съ Лермонтовымъ метаморфоза, состоявшая въ томъ, что онъ изъ блестящаго офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка преобразился въ скромнаго армейскаго офицера, послѣдовала отъ перехода его изъ Петербурга на службу на Кавказъ, гдѣ онъ и оставался на службѣ до своей преждевременной и горькой кончины.

Я съ нимъ познакомился въ семействѣ Мартыновыхъ, гдѣ были три незамужнія дочери, изъ которыхъ одна, повидимому, занимала собою нашего поэта. Ихъ старшій братъ былъ тотъ самый Мартыновъ, который впослѣдствіи убилъ Лермонтова на дуэли. Мартыновъ въ то время перешелъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказъ), какъ кажется, потому, что мундиръ этого полка славился тогда, совершенно справедливо, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ нашей кавалеріи. Я видѣлъ Мартынова въ этой формѣ; она шла ему превосходно. Онъ очень былъ занятъ своей красотой и, повидимому, эта слабость, подмѣченная въ немъ Лермонтовымъ, послужила ему постояннымъ предметомъ довольно злыхъ остротъ надъ Мартыновымъ. Лермонтовъ, къ сожалѣнію, имѣлъ непреодолимую страсть дразнить и насмѣхаться, что именно и было причиной его злосчастной дуэли.

Въ другой разъ была серьезная бесѣда объ интенсивномъ хозяйствѣ, о которомъ въ настоящее время такъ много пишутъ въ журналахъ и о чемъ тогда уже заботились. Лермонтовъ, который питалъ полное недовѣріе и обнаруживалъ даже нѣкоторое пренебреженіе къ сельскому хозяйству, называя его ковыряніемъ земли, сказалъ намъ при этомъ, что онъ самъ недавно былъ въ своемъ маленькомъ имѣніи въ Малороссіи, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпѣніе, наконецъ, истощилось, и онъ поѣхалъ туда, чтобы лично убѣдиться въ причинѣ бездоходности имѣнія. «Пріѣзжаю, говоритъ Лермонтовъ, въ деревню, призываю къ себѣ хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нѣтъ никакого дохода? Онъ говоритъ, что урожай былъ плохой, что пшеницу червь испортилъ, а гречиху солнце спалило. Ну, я спрашиваю, а скотина что?—Скотина, говоритъ приказчикъ, ничего, благополучно.—Ну, я спрашиваю, куда же молоко дѣвали?—

На масло били, отвѣчаетъ онъ. — А масло куда дѣвали?—Продавали, говорить.—А деньги куда дѣвали?—Соль, говорить, куповали.—А соль куда дѣвали?—Масло солпли.—Ну, а масло куда дѣвали?—Продавали.— Ну, а деньги гдѣ? — Соль куповали!... И такъ далѣе, и такъ далѣе. «Не истинный ли это прототипъ всѣхъ нашихъ Русскихъ хозяйствъ?» сказалъ Лермонтовъ и прибавилъ: «Вотъ вамъ при этихъ условіяхъ не угодно ли завести интенсивное хозяйство!...»

Лермонтовъ хорошо говорилъ по-малороссійски и неподражаемо умѣлъ рассказывать Малороссійскіе анекдоты. Имъ, напримѣръ, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ (который я послѣ слышалъ и отъ другихъ) о томъ Хохлѣ, который ѣхалъ одинъ по непомѣрно широкой почтовой Малороссійской дорогѣ саженой во сто ширины. По обыкновенію хохоль заснулъ на своемъ возѣ глубокимъ сномъ, волю его выплисъ изъ колесъ и, наконецъ, осью зацѣпили за поперстный столбъ, отчего остановились. Отъ толчка хохоль вдругъ проснулся, спросонья осмотрѣлся, увидѣлъ поперстный столбъ, плюнулъ и, слѣзая съ своего воза, сказалъ: «Що за бісова тиснота, не можно и возомъ розминутця!»

По поводу лѣности и невозмутимости Хохла Лермонтовъ мнѣ рассказаль, какъ, оставляя Петербургъ и лейбъ-гусарскій полкъ, чтобы перейти на службу на Кавказъ, онъ оставилъ свою тысячную верховую лошадь на попеченіи все того же своего денщика Сердюка, поручивъ своему товарищу по полку, князю Меншикову, въ возможно скорѣйшее время ее продать. Очень долго не находилось покушниковъ. Наконецъ Меншиковъ нашель покупателя и съ нимъ отправился въ полковой манежъ, чтобы показать ему продажную Лермонтовскую лошадь. Немало времени они ожидали въ манежѣ Сердюка съ его лошадью. Наконецъ, показался за барьеромъ манежа какой-то человекъ, который, съ веревкой на плечѣ тащилъ съ трудомъ что-то, должно быть, очень тяжелое; черезъ нѣсколько времени показалась голова лошади, которая, фыркая и упираясь, медленно подвигалась впередъ и озиралась на всѣ стороны. Когда Сердюкъ съ трудомъ втащилъ ее на средину манежа, то издали она не похожа была на лошадь, а на какаго-то допотопнаго звѣря: до такой степени она обросла длинной шерстью; уши, которыми она двигала то назадъ, то впередъ, такъ заросли, что похожи были на огромные вѣера, которыми она махала. Князь Меншиковъ, возмущенный этой картиной, спросилъ у Сердюка, чтò за звѣря онъ привелъ, но Сердюкъ отвѣчалъ очень хладнокровно: «Это лошадь, ваше высокоблагородіе!» — «Да что ты съ ней сдѣлалъ, Сердюкъ, съ этой лошадыю?» — «Да что же, ваше высокоблагородіе, съ

ней сдѣлается? Она себя кормь ѣсть, пьетъ, никто ея не трогаетъ; помилуйте, что съ ней сдѣлается?»

Оказывается, что Сердюкъ цѣлый годъ лошадь не чистилъ и не выводилъ изъ денника, такъ что она совершенно одичала и обросла.

Пробывъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Лермонтовъ уѣхалъ на Кавказъ, и я болѣе его никогда не видалъ. Позже, когда я былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ лѣчился отъ раны, полученной мною въ Даргинскую экспедицію 1845 года, я почелъ нравственнымъ долгомъ посѣтить на Машукѣ то мѣсто, гдѣ происходила дуэль и гдѣ былъ убитъ незабвенный нашъ гениальный поэтъ. Какой величественный видъ съ этого мѣста на широкую долину, окружающую Пятигорскъ, на величавый Эльборусъ, покрытый вѣчными снѣгами, и на цѣпь Кавказскихъ горъ!... Эта чудная картина, мнѣ показалось, была въ соотвѣтствіи съ гениемъ и талантомъ покойнаго поэта, который такъ любилъ Кавказъ.

Нѣтъ! Не такъ желалось тебѣ умереть, милый нашъ Лермонтовъ, думалъ я, сидя подъ зеленымъ дубомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ простился съ жизнью.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бь желалъ навѣки тамъ заснуть, —
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонился и шумѣлъ.

Впослѣдствіи, сблизившись съ Лермонтовымъ, я убѣдился, что изощрять свой умъ въ насмѣшкахъ и острогахъ постоянно надъ намѣченной имъ въ обществѣ жертвой, составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его характера. Я помню, что разъ я засталъ у него одного гвардейскаго толстаго кирасирскаго полковника З., служившаго въ то время жертвой всѣхъ его сарказмовъ, и, хотя я не могъ не смѣяться отъ души остроумію и неистощимому запасу юмора нашего поэта, но не могъ также въ душѣ не сострадать его жертвѣ и не удивляться ея долготерпѣнію.

Онъ мнѣ самъ рассказывалъ, напримѣръ, какъ во время лагеря, лежа на постели въ своей палаткѣ, онъ, скуки ради, кликалъ къ себѣ своего денщика и начиналъ его дразнить. «Презабавный былъ,—говорилъ онъ,—мой денщикъ Малороссъ Сердюкъ. Бывало, позову его и спрашиваю: «Ну, что, Сердюкъ, скажи мнѣ, что ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ, зная, что должны начаться надъ нимъ обык-

новенныя насмѣшки, сначала почтительно пробовалъ уговаривать барина не начинать вновь ежедневныхъ надъ нимъ испытаній, говоря: «Ну, що, ваше благородіе... оставьте, ваше благородіе... я ничего не люблю...» Но Лермонтовъ продолжалъ: «Ну, что, Сердюкъ, отчего ты не хочешь сказать?» — «Да не помню, ваше благородіе.» Но Лермонтовъ не унимался: «Скажи, говоритъ, что тебѣ стоитъ? Я у тебя спрашиваю, что ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ все отговаривался незнаніемъ. Лермонтовъ продолжалъ его пилить и, наконецъ, черезъ четверть часа, Сердюкъ, убѣдившись, что отъ барина своего никакъ не отдѣлается, добродушно дѣлалъ признаніе: «Ну, що, ваше благородіе, говорилъ онъ, ну, пожалуй медь, ваше благородіе.» Но и послѣ этого признанія Лермонтовъ отъ него не отставалъ. «Нѣтъ, говорилъ онъ, ты, Сердюкъ, хорошенько подумай: неужели ты въ самомъ дѣлѣ медь всего больше на свѣтѣ любишь?» Лермонтовъ начиналъ снова докучливые вопросы и на разные лады. Это опять продолжалось четверть часа, если не болѣе и, наконецъ, когда истощался весь запасъ хладнокровія и терпѣнія у бѣднаго Сердюка, на послѣдній вопросъ Лермонтова о томъ, чтобы Сердюкъ подумалъ хорошенько, не любить ли онъ что-нибудь другое на свѣтѣ лучше меда, Сердюкъ съ крикомъ выбѣгалъ изъ палатки, говоря: «терпѣть его не могу, ваше благородіе!...»

Вообще Лермонтовъ былъ препріятный собесѣдникъ и неподражаемо рассказывалъ анекдоты.

Среди множества сохранившихся въ моей памяти анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ него, хотя и очень затруднителенъ будетъ выборъ, но я не могу лишиться себя удовольствія упомянуть здѣсь хотя о нѣкоторыхъ, попадающихся мнѣ случайно болѣе свѣжими въ эту минуту на память. Вѣдь въ сущности всякая мелочь, которая касается такого любимаго всѣми поэта, какимъ былъ Лермонтовъ, дорога, а мнѣ несомнѣнно больше другихъ, потому что я его лично хорошо зналъ, и что для меня память о немъ связана съ воспоминаніями о моей молодости; а кому они не дороги, эти воспоминанія?...

Вообще въ холостой компаніи Лермонтовъ особенно оживлялся и любилъ рассказы, перерывая очень часто самый серьезный разговоръ какой-нибудь шуткой, а нерѣдко и нецензурными анекдотами, о которыхъ я не буду говорить, хотя они были остроумны и смѣшны донельзя.

Такъ, какъ-то разъ, среди серьезной бесѣды объ искусствѣ и поэзіи, Лермонтовъ сталъ комично рассказывать что-то о неизданныхъ

поэтахъ и объ ихъ сношеніяхъ съ издателями и книгопродавцами. «А вотъ что, сказалъ Лермонтовъ, говорилъ мнѣ приказчикъ одного книгопродавца, мальчикъ лѣтъ шестнадцати. Приходитъ на дняхъ въ лавку какой-то господинъ (хозяина не было), обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: что, говоритъ, стихотворенія мои проданы? (Тутъ я его узналъ, говоритъ мальчикъ, онъ къ намъ уже мѣсяцевъ шесть ходитъ). Никакъ нѣтъ, отвѣчаю ему, еще не проданы.—Какъ, говоритъ онъ, не проданы?—Отчего не проданы? Вы, говоритъ, все мошенничаєте! Подошелъ ко мнѣ, да бацъ, говоритъ мальчикъ, мнѣ въ ухо!... Вотъ тебѣ разъ, думаю себѣ, что изъ этого будетъ?—Отчего, говоритъ, не проданы? Я говорю: никто не спрашивалъ.—Какъ, говоритъ, никто не спрашивалъ? Бацъ, говоритъ, мнѣ въ другое ухо! Я думаю себѣ, что изъ этого будетъ?—Гдѣ, говоритъ, мои стихотворенія? Подай, говоритъ, мнѣ ихъ всѣ сюда! А самъ ругается.—Вы, говоритъ, всѣ кровопійцы! Я побѣжалъ, принесъ связку его сочиненій. Думаю себѣ: Господи, что изъ этого будетъ? Господинъ подошелъ ко мнѣ.—Всѣ-ли они, говоритъ, тутъ?—Я говорю: извольте видѣть, какъ были связаны, такъ и есть! Онъ тутъ схватилъ меня за волосы и началъ таскать по лавкѣ; таскалъ, таскалъ, да какъ броситъ, плюнулъ и ушелъ! Такъ, говоритъ мальчикъ, я ничего и не дождался отъ него! Такой, говоритъ, чудакъ этотъ господинъ стихотворецъ! Я и фамиліи-го его не упомяну».

(Продолженіе будетъ).

